

**УДК 821.161.1****Мотив тьмы в лирике Ф.И. Тютчева****Рудакова Светлана Викторовна**

Доктор филологических наук, профессор,  
кафедра языкознания и литературоведения,  
Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова,  
455000, Российская Федерация, Магнитогорск, просп. Ленина, 38;  
e-mail: rudakovamasu@mail.ru

**Шустикова Юлия Николаевна**

Магистрант,  
кафедра языкознания и литературоведения,  
Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова,  
455000, Российская Федерация, Магнитогорск, просп. Ленина, 38;  
e-mail: july.shustikova2017@yandex.ru

**Аннотация**

Проанализировано значение мотива тьмы в лирике Ф.И. Тютчева. Доказана доминирующая роль в онтологической паре тьма – свет именно образов тьмы и ночи. В представлении связанных между собой мотивов тьмы и истины выделена такая особенность тютчевского мировосприятия, как многоуровневость, или многослойность. Показано, что в любом явлении поэт может выделить несколько «оболочек», разных по сложности и содержанию, даже познание разделено у него на абсолютное, бытийное и «земное», исследовательское. С миром тьмы у Тютчева связано глубинное, архетипическое сознания, а также пространство исторической памяти, мир прошлого. Показано, что картина мира поэта – это многомерная, многоуровневая структура, в основании которой – абсолютный мрак, породивший хаос. Мрак у Тютчева не бывает абсолютным, в нем всегда есть свет, сияние, луч; образы амбивалентны, два противоположных начала тесно связаны друг с другом, одно без другого не существует. Авторы отмечают, что мотив тьмы оказывается для Тютчева настолько важным, что проходит через все его творчество. Функционирование этого мотива не остается неизменным на протяжении многих лет, а постоянно переосмысливается, меняется, приобретая все новые оттенки или меняясь коренным образом. Наиболее важная функция этих мотивов у Тютчева – это, конечно, построение модели Вселенной.

**Для цитирования в научных исследованиях**

Рудакова С.В., Шустикова Ю.Н. Мотив тьмы в лирике Ф.И. Тютчева // Культура и цивилизация. 2017. Том 7. № 6А. С. 119-127.

**Ключевые слова**

Мотив тьмы, романтическая поэзия, философия, ночь, лирика, Тютчев.

## Введение

Проблемы светлого и темного начал в системе мироздания – вопрос, волнующий не только поэтов и писателей, но и философов, теологов, культурологов. Эта оппозиция чрезвычайно важна как для понимания бытия, так и для определения самого этого понятия. Ни одна исследовательская онтологическая работа не обходится без рассмотрения этих категорий [Абрамзон, 2007; Зырянов, 2002; Литература..., 2012; Петров, 2011; Рудакова, 2014; Abramzon, 2016], но вопрос об их окончательном определении остается открытым, благодаря множественности трактовок этих понятий и описания их реализаций в индивидуально-авторском ключе.

В русской литературе было два периода «увлечения» мотивами света и тьмы: в эпоху романтизм, в котором, безусловно, особое место занимает философская поэзия Е.А. Боратынского, Ф.И. Тютчева и М.Ю. Лермонтова [Семенова, 2004, 43-57; Смирнов, 2004, 75] и символизм. Причем, основные онтологические понятия в русской поэзии берут свое начало именно в поэзии романтизма, в частности в произведениях, указанных выше поэтов, что определяет необходимость системного и цельного анализа их творчества [Рудакова, 2014, 23-24; Abramzon, 2016, 10185-1087].

### Поэтика мотива тьмы в лирике Ф.И. Тютчева

Федор Иванович Тютчев – поэт ночи, или, как назвал его А. Блок, «ночная душа русской поэзии» [Блок, 1962, 25]. Первоосновой мира в лирике Тютчева является Хаос, а ночь – важнейшей категорией бытия, определяющей как жизнь Вселенной, так и жизнь человека, поэтому ей уделяется так много внимания в произведениях поэта.

«К поэзии Тютчева можно подходить с трех разных точек зрения: можно обратить внимание на выраженные в ней мысли, можно постараться выявить ее философское содержание, можно, наконец, остановиться на ее чисто художественных достоинствах. Со всех трех точек зрения, поэзия Тютчева заслуживает величайшего внимания», – напишет еще в начале XX века о Тютчеве В. Я. Брюсов [Брюсов, 1975, 193]. В настоящее время уже необходимо говорить не о трех точках зрения, а о комплексном, цельном взгляде на его поэзию и выявлять связи между философией, идеями, мотивами и образами. В этом случае масштаб значения мотива тьмы в лирике Тютчева очень трудно переоценить. Это одна из основополагающих категорий для его философии, это первородная субстанция, определяющая суть его поэтического мироздания. Это то, из чего происходит все в мире, с точки зрения поэта. Тьма, как и свет, – это явления, подобно душе природы, разлитые во всем мире, организующие смену времен, поколений, ход жизни человека и истории. Это абсолютно независимые, первозданные субстанции, их основные признаки – глубина, «бездонность» (у ночи) и чистота (у света). Кроме того, это прекраснейшие, по мнению Тютчева, категории, метафорически предающие состояние природы, человека, обозначающие ход мыслей поэта, поэтому способы презентации мотива тьмы/света у Тютчева не ограничиваются лексемами «ночь» / «день», «сумрак», «тьма» / «сияние».

И все же в этой онтологической паре первенство, безусловно, принадлежит именно ночи, тьме. В концепции мироздания Тютчева ночь, мрак, темнота, являясь порождением хаоса, не только окружают земной «дольний» мир, но также проникают в душу человека. Космос и Хаос – противопоставленные друг другу первоначала Вселенной, они находятся в вечном противоборстве, причем именно Хаос, по Тютчеву, явление первородное, стихийное, неподвластное разуму, а Космос – упорядоченное, стройное. «Бытие человека всегда обречено

бездне, *хаосу*, понимаемому, разумеется, не только как беспорядок, а – в переводе с древнегреческого – как *пустота, зияние*, но и одновременно и как неорганизованная, неструктурированная, неиндивидуализированная праматерия будущего космоса. Эти слова-понятия – *хаос и бездна* – становятся лейтмотивом поэзии Тютчева. <...> По Тютчеву, человек всегда находится над бездной, перед пропастью, более того, он носит эту бездну в себе, это его родовое и роковое наследие» [Кантор, 2004, 182]. Ночь – это время, когда человек в первородном мраке оказывается наедине с природой, со вселенной; для Тютчева это время единения с окружающим миром: «Все о мне, и я во всем!», – однако это слияние со всемирным возможно только через разрушение своей единичности, индивидуальности: «Дай вкусить уничтоженья, / С миром дремлющим смешай!» [Тютчев, 1987, 127].

Первородность ночи обусловлена еще и тем, что абсолютная истина мироздания скрыта именно в ней, значит, это еще и время для раскрытия тайн бытия, процесс познания которых происходит не рациональным, а эмпирическим, скорее даже сенсуальным путем, поскольку поэт неоднократно повторяет, что «в оный час явлений и чудес» его лирического героя постигло беспомыслие [Тютчев, 1987, 79]. В этом, по Тютчеву, заключена трагическая противоречивость бытия: ночь срывает покров со всех тайн мироздания, они становятся доступны для человеческого познания, однако постижение их невозможно, поскольку человека страшат эти неизвестные просторы. Процесс познания абсолютной истины снова останавливается, блокируемый страхом. День же вполне понятен и открыт для человека, однако это только оболочка земного бытия, его «златотканый покров» [Тютчев, 1987, 145], брошенный на бездну тьмы и вечности. Мотив тьмы в данном случае становится определяющим для выявления бытийного противоречия.

В представлении связанных между собой мотивов тьмы и истины выделяется еще одна особенность тютчевского мировосприятия – многоуровневость, или многослойность. В любом явлении поэт может выделить несколько «оболочек», разных по сложности и содержанию. Так, познание у него разделено на абсолютное, бытийное и «земное», исследовательское. Для Тютчева все тайное привлекательно и гармонично: «Душа хотела б быть звездой...» [Тютчев, 1987, 107], ночь прекрасна, потому что покрыта мраком, истина таинственна и маняща, потому что недоступна и неуловима. Единство красоты и опасности, страха и неги близко его лирическому герою, поэтому в «светлости осенних вечеров» он видит «зловещий блеск» и «кумильную прелесть», «ущерб» и «изнеможенье». Поэтому ночь в сознании поэта, безусловно, связана и со всеми страхами, сопровождающими человека в его жизни. Эти страхи реализуются на подсознательном, архетипическом уровне, словно переданы через общечеловеческую память от предков. Однако эти страхи влекут и манят лирического героя Тютчева, и сам автор в духе фольклорной традиции рассказывает нам страшные истории про «стоокого» зверя.

С фольклорным, мифологическим началом связано и еще одна характеристика ночи – сакральность, реализованная в эпитете «святая». Ночь это еще и время пробуждения архетипического сознания, или подсознания, время познания мира не разумом и даже не чувствами, а своеобразными ощущениями, напоминающими инстинкты (то есть то, что передано от предков), но рождающимися в душе. Две бездны – душа и мироздание – соединяются, и появляется некий транслирующий канал, по которому человек и «узнает наследье роковое» [Тютчев, 1987, 162]. Светлое становится синонимом живого, но при этом не образует антонимическую пару с эпитетом «темный» как мертвый, относящийся к области смерти. Бездна не есть мир мертвых, это мир вечности, мир всеобщей человеческой мысли и тайны мироздания. Проникновение туда возможно только во время жизни, ночью, во время сна,

т.е. в период временной «смерти» разума.

В мироздании Тютчева находится место не только двоимирию (мир земной, дневной / ночной, тайный), но и многамирию. Так, совершенно отдельным, независимо существующим у него становится мир «смертных дум», т.е. некая ноосфера, проявляющаяся в ночное время суток. Эта «мыслительная» оболочка мира неосвязаема и не видна, но зато ощутима на слух. Она относится к сфере первозданного, поскольку путь к ней, как и к всемирной тайне, лежит через сон, кроме того, она неупорядочена, хаотична (мысли в ней «роятся»), что противопоставлено организованности дневного мира («движенье», «труд»): «Иль смертных дум, освобожденных сном, / Мир бестелесный, слышный, но незримый, / Теперь роится в хаосе ночном» [Тютчев, 1987, 125]. Кроме глубинного, архетипического сознания, у Тютчева функционирует еще и пространство исторической памяти, мир прошлого, будь то прошлое отдельного человека или целого государства. Потому возникает необходимость введения транслятора, таким основным соединяющим каналом выступает луна: «Как будто лунный мир и град почивший – / Все тот же мир, волшебный, но отживший!..» [Тютчев, 1987, 159]. Первозданность у Тютчева напрямую связана с мотивом тьмы и ночи, однако мрак в представлении поэта редко бывает абсолютен и непроницаем. Чаще всего он наполнен светом, и поэтому рождаются амбивалентные образы, в которых два противоположных начала могут сливаться воедино, не изменяя при этом своей природы. Поэтому главными характеристиками первозданности становятся не мрак и тьма, а ночь, наполненная светом («голубая», «звездный сонм»), и тайна.

Картина мира Тютчева – это многомерная, многоуровневая структура, в основании которой – абсолютный мрак, породивший хаос. Этот мрак манит человека, однако не всегда доступен ему. Момент единения с первородным Хаосом может иметь место только в ночное время (при наступлении тьмы, которая нас отсылает к тьме первородной) либо во время сна, забвения, когда луч света или сияние становятся проводниками в мир первозданного творения. Поэтому очень часто мотив тьмы Тютчев связывает с мотивом онемения, оцепенения и сна. Когда окружающий мир застывает «в какой-то неге онеменья», то в нем, как в тихом зеркале воды, у Тютчева отражаются иные миры, внутренняя жизнь, жизнь за чертой реальности. Предметы приобретают иные, более выпуклые или сказочные, волшебные очертания: «И сад темнеет, как дуброва, / И при звездах из тьмы ночной, / Как отблеск славного былого, / Выходит купол золотой...» [Тютчев, 1987, 199]. При изменении свето-теневого характеристики окружающего мира предметы начинают выглядеть иначе, раскрывается их иная сущность. Подобное происходит и в жизни человека: в различные моменты жизни по-разному раскрывается его природная сущность, наружу могут пробиться «душевные инстинкты», и чаще всего это происходит либо ночью, либо во тьме чувств, т.е. в пограничном состоянии сильных эмоций. В этом Тютчев предвосхитил философию экзистенциализма с ее положением о проявлении экзистенции человека в критические моменты его бытия. Однако у Тютчева нет ни пессимизма, ни обращенности к смерти, да и таких моментов может быть неисчислимо множество.

У Тютчева нет границ многамирия. Его полибытие охватывает все сущее. Так, в двух мирах живет зимний лес, околдованный «чародейкою Зимою»: в реальном, земном и в сонном, в котором он «не мертвец и не живой». Таким образом, прослеживается главная особенность в реализации мотива тьмы у Тютчева: мрак у него не бывает абсолютным, в нем всегда есть свет, сияние, луч, образы амбивалентны, там два противоположных начала тесно связаны друг с другом, одно без другого не существует. Будучи апологетом ночного, темного начала, Тютчев, однако, не оставляет без внимания и светлое.

Разнообразие толкования и текстуальных связей мотива тьмы обеспечивается сложностью

и многомерностью этого образа. Понятие «тьма» у Тютчева – это не только световое явление: она наделена звуковыми, аудиовизуальными, динамическими (благодаря введению в тематическую группу глаголов «слыхал», «ослеплены», полночь «тревожит сон дремавших струн»), осязательными, обонятельными и даже вкусовыми характеристиками, что позволяет создать иллюзию многомерного, всеохватного, постоянно ощущаемого явления.

Ночь почти всегда получает звуковую и динамическую характеристику: «Часов однообразный бой, / Томительная ночи повесть!» («Бессонница» [Тютчев, 1987, 80]); «Есть некий час, в ночи, всемирного молчанья, <...> / Живая колесница мирозданья / Открыто катится в святилище небес» [Тютчев, 1987, 79]). При этом периоды темного времени суток у Тютчева принципиально различаются. Моментом, открытым для познания, для приближения к первоначальному, оказывается только ночь, глубокая, темная и либо ясная, либо наполненная сильными стихийными проявлениями, например, грозой или бурей. А вот вечер у Тютчева оказывается не достоин такой высокой участи, он у поэта чаще всего «мглистый», «ненастный», «томительный», как время ожидания, время перехода из одного состояния в другое, более того, это «мертвый» час, противопоставленный утру как зарождению жизни. Сутки воспринимаются не как временной промежуток, дробящийся на более мелкие по хронометрическому принципу, а как светотеневой отрезок от тьмы до тьмы с двумя рубежными границами – полдень и полночь, являющимися моментами откровения, познания, а также точками достижения абсолютного покоя и максимального напряжения, усталости. Причем даже в полуденный зной мир пребывает во тьме («Во мгле полуденной почил...» [Тютчев, 1987, 81]).

Сутки четко делятся на четыре отрезка: ночь – день, утро – вечер, причем периоды эти распределяются не только по антиномическим парам как свет и тьма, зарождение и умирание, но и по реализации первородного или вторичного начала. И в этом случае ночь оказывается противопоставленной всему остальному, поскольку она существует вне жизни и смерти, это время познания, время глубинного бытия, а вот день, утро и вечер – это время обыденно привычной жизни, временной, конечной, поверхностной. Более того, день воспринимается как наполненный «шумом и гамом», «невнятным» и утомительным.

Даже время у Тютчева существует в двух формах, взаимосвязанных друг с другом: это, во-первых, линейное время, разделенное на отрезки человеческих жизней, это личное, индивидуальное, субъективное время, во-вторых, традиционно-мифологическое, циклическое [Рудакова, 2008, 304], которое в своем художественном мире Тютчев отсчитывает с помощью свето-временных отрезков. Само бытие предстает в виде спиралевидной конструкции, на витках которой расположены этапы человеческой жизни. Движение осуществляется по нисходящей, и в конце пути человека ждет «темное жерло», или, иными словами, «мрачная бездна», то есть первородная тьма.

В 30-е г.г. в поэзии Тютчева появляется совершенно новое звучание мотива тьмы: это уже не возвращение к первоистокам, это темное царство смерти, а свет – это земной мир. Поэтому возникают две противоположные тенденции: обращенность внутрь человеческой личности и устремленность вовне, к общественной жизни или даже к общественно-политическим событиям. Функция реализаторов мотивов гражданской лирики была присуща мотиву тьмы и ранее, но теперь она выводится на лидирующие позиции, наряду с философско-онтологической: ночь как закат, упадок, а также как символ Запада на мировой политической арене, выражающий славянофильскую позицию противопоставления Востока и Запада, ожидания возвышения Востока на мировой арене. Тютчев легко создает метафорический перенос: для него ночь и Хаос – понятия одного ряда, поэтому «ночь Рима» в стихотворении «Цицерон»

[Тютчев, 1987, 104] читается как время упадка, хаоса или время, когда общемировой Хаос как первородная стихия нисходит на землю. Момент заката, ночи империи становится одновременно и минутой высшего откровения, только уже не на философском, а на историческом, общественно-политическом уровне. Человек получает возможность не просто наблюдать процессы, происходящие в обществе, в цивилизации, но видеть их внутреннюю сущность, возможно, даже влиять на их ход, поскольку становится членом «совета всеблагих» не просто как гость, но как «собеседник». В это же время человек обретает бессмертие, но не физическое и даже не духовное. Это бессмертие в истории, общечеловеческом сознании, его имя останется на века: «И заживо, как небожитель, / Из чаши их бессмертье пил!» [Тютчев, 1987, 105].

Борьба со временем, которую пытается вести человек, по мнению поэта, безуспешна и бессмысленна. Мировое пространство есть постоянная смена поколений, вечная динамика, причем эти поколения, по Тютчеву, в открытое противостояние не вступают, однако оно заложено уже в их сути: если предыдущее – поколение ночи, «сумрачной дали», «старое», «пережившее свой век», «ночное», то новое – «младое», «утреннее» «на солнце расцвело» [Тютчев, 1987, 125]. Учитывая, что для поэта всегда ночь была первоосновой, а день, солнце – только началом нового, легко прочитывается «иерархия» поколений «по глубине» и «содержанию». Своего лирического героя Тютчев относит именно к первому, ночному поколению, причем самым важным становится осознание большей значимости, весомости именно старой эпохи, ведь именно ее Тютчев называет ночной, противопоставляя новому, «пламенному дню». Так, у Тютчева важным становится не только противопоставление тьмы свету, соединяющихся в амбивалентном образе, но тьмы и огня, которые могут сочетаться как комплементарные начала или противопоставляться как полярные. В этом случае ночь становится носителем абсолютной гармонии, спокойствия и чувства защищенности: «О, ночь, ночь, где твои покровы, / Твой тихий сумрак и роса!» [Тютчев, 1987, 125]. Это личностное восприятие лирического героя как представителя уходящего поколения, поколения ночи, эпохи романтизма.

Лирический герой преодолел в себе тягу к ночному существованию, к переходу в иномир, в тьму, в бездну. Эти явления не вызывают в нем больше страха, поскольку теряют свое первоначальное значение. Однако оставаясь до конца верен своей философии разделения мира на дневной и ночной, Тютчев мотив тьмы преподносит как определяющий: страха перед ночной бездной и тяги к ней нет только у лирического героя, наполнившего свою душу любовью, однако это не значит, что данного мира нет вовсе. Он, безусловно, существует, и именно близость ночи навеивает герою воспоминания о прошлых страхах, причем полностью сохраняются мотивы волшебного, призрачного. Тютчева уже не влечет тень, прохлада, как символы отдохновения, напротив, он ищет тепла, солнечного луча, источником которого становится «милосердый, всемогущий» господь, повелевающий всем миром, единственно могущий благословить на любовь и счастье. Более того, в финале своего творчества Тютчев называет жизнь днем, а смерть ночью, переставляя акценты.

### **Заключение**

Таким образом, мотив тьмы оказывается для Тютчева настолько важным, что проходит через все его творчество. Функционирование этого мотива не остается неизменным на протяжении многих лет, а постоянно переосмысливается, меняется, приобретая все новые оттенки или меняясь коренным образом. Наиболее важная функция этих мотивов у Тютчева –

это, конечно, построение модели Вселенной. Основными объектами становятся Космос и Хаос, как основа мироздания, соотносимые поэтом со светом и тьмой соответственно. Все в мире может быть, по мнению поэта, «уложено» в эту схему: от времени суток или года до психологического состояния человека (первородный мрак влечет человека, но в тоже время вызывает мистическое чувство страха). Тютчев оказывается сторонником мифологического, пантеистического взгляда на природу света и тьмы, утверждая их первородность, саморожденность и совместное вечное сосуществование, поэтому основным принципом его поэтики в реализации данных мотивов становится принцип амбивалентности. Тьма, породившая Хаос, первична, свет и Космос вторичны, ночь скрывает тайну, а день, несмотря на его утомительность, все же нельзя отринуть, поскольку это необходимый элемент реальной человеческой жизни.

Тютчев же заранее определяет приоритетность темного начала как хаотического, но не демонического, то есть не несущего зло, уничтожая тем самым всякую возможность борьбы этих явлений. Он, особенно в ранней лирике, эту проблему не поднимает вовсе, увлеченный мифологией и пантеизмом, утверждающими красоту, гармонию, Хаос и катастрофичность как обязательные явления бытия, существующие над добром и злом. В поздней же лирике ему, погруженному в христианские идеи, не остается выбора, поскольку, найдя успокоения в божественной истине, он негласно обязался следовать этому закону, признающему бога светлым началом, смерть – мраком, но оставляющим надежду на загробную райскую жизнь, соотносимую с бесконечным блаженством и светом.

### Библиография

1. Абрамзон Т.Е. Поэтические мифологии XVIII века: автореферат дис. ... докт. филол. наук. М., 2007. 48 с.
2. Блок А.А. Собр. соч. М.-Л.: Гослитиздат, 1962. Т. 5. 799 с.
3. Брюсов В.Я. Ф.И. Тютчев. Смысл его творчества // Брюсов В.Я. Собр. соч. М.: Художественная литература, 1975. Т. 6. С. 193-208.
4. Зырянов О.В. Лермонтовский миф: некоторые аспекты проблемы // Архетипические структуры художественного сознания. Екатеринбург, 2002. С. 110-121.
5. Кантор В. «В Хаосе он понимал больше»: Бесконечная природа и конечный человек в поэзии Тютчева // Октябрь. 2004. № 7. С. 181-187.
6. Петров А.В. «Миф творения» в «метафизических» и «физико-теологических» стихотворениях русских поэтов конца XVIII – начала XIX вв. // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. 2011. № 3 (32). С. 108-129.
7. Рудакова С.В. Пространственно-временная организация книги «Сумерки» Е.А. Боратынского // Проблемы истории, филологии, культуры. 2008. № 22. С. 299-310.
8. Рудакова С.В. Системность художественного мышления Е.А. Боратынского-лирика: автореф. дис. ... д.-ра филол. наук. Екатеринбург, 2014. 45 с.
9. Семенова С.Г. Перед лицом природы и судьбы. Тютчев в кругу Баратынского, Пушкина, Лермонтова // Семенова С.Г. Метафизика русской литературы. М.: ПоРог, 2004. Т. 1. С. 13-74.
10. Смирнов А.А. Метафорика огня в поэзии Ф.И. Тютчева // Вестник Московского ун-та. Сер. 9. Филология. 2004. № 3. С. 74-79.
11. Тютчев Ф.И. Полн. собр. стихотворений. Л.: Сов. писатель, 1987. Т. 1-6.
12. Федосеева Т.В. (ред.) Литература русского предромантизма: мировоззрение, эстетика, поэтика. Рязань, 2012. 492 с.
13. Abramzon T.E., Rudakova S.V., Zaitseva T.B., Kozko N.A., Tulina E.V. The Consistency of Lyric Artistic Thinking // International Journal of Environmental and Science Education. 2016. V. 11. № 17. С. 10185-10196.
14. Abramzon T.E., Zaitseva T.B., Kozko N.A., Rudakova S.V. Cultural Mythology in the 18th Century Russia: Definition, Typology, Ways of Functioning // 3rd International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences & Arts SGEM 2016 Conference Proceedings. 2016. P. 651-658.

## The motif of darkness in F.I. Tyutchev's poetry

**Svetlana V. Rudakova**

Doctor of Philology,  
Professor of Linguistics and Literature Department, Docent,  
Nosov Magnitogorsk State Technical University,  
455000, 38 Lenina av., Magnitogorsk, Russian Federation;  
e-mail: rudakovamasu@mail.ru

**Yuliya N. Shustikova**

Graduate Student of Linguistics and Literature Department,  
Nosov Magnitogorsk State Technical University,  
455000, 38 Lenina av., Magnitogorsk, Russian Federation;  
e-mail: july.shustikova2017@yandex.ru

### Abstract

The research describes value of the motive of darkness in the lyrics of F.I. Tyutchev. The dominant role in the ontological pair is proved to be darkness; the light is precisely the images of darkness and night. In the representation of the interrelated motives of darkness and truth, this feature of Tyutchev's worldview is singled out, as multilevel, or multilayered. It is shown that in any phenomenon the poet can identify several "shells", different in complexity and content, even cognition is divided into absolute, existential and "terrestrial", exploratory. With the world of darkness Tyutchev has a deep, archetypal consciousness, as well as a space of historical memory, the world of the past. It is shown that the picture of the poet's world is a multidimensional, multilevel structure based on absolute darkness, which gave rise to chaos. The darkness of Tyutchev is not absolute, there is always light, radiance, ray; images are ambivalent, two opposite principles are closely related to each other, one without the other does not exist. The authors note that the motive of darkness is so important for Tyutchev that it goes through all his work. The functioning of this motive does not remain unchanged for many years, but constantly reinterprets, changes, acquires new shades or changes radically. The most important function of these motives in Tyutchev is, of course, the construction of a model of the universe.

### For citation

Rudakova S.V., Shustikova Yu.N. (2017) Motiv t'my v lirike F.I. Tyutcheva [The motif of darkness in F.I. Tyutchev's poetry]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 7 (6A), pp. 119-127.

### Keywords

The motif of darkness, romantic poetry, philosophy, night, lyrics, Tyutchev.

### References

1. Abramzon T.E. (2007) *Poeticheskie mifologii XVIII veka. Doct. Dis.* [The Poetic Mythology of the XVIII Century. Doct. Dis.]. Moscow.



2. Abramzon T.E., Rudakova S.V., Zaitseva T.B., Koz'ko N.A., Tulina E.V. (2016) The Consistency of Lyric Artistic Thinking. *International Journal of Environmental and Science Education*, 11, 17, pp. 10185-10196.
3. Abramzon T.E., Zaitseva T.B., Kozko N.A., Rudakova S.V. (2016) Cultural Mythology in the 18th Century Russia: Definition, Typology, Ways of Functioning. In: *3rd International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences & Arts SGEM 2016 Conference Proceedings*.
4. Blok A.A. (1962) *Sobr. soch.* [Collected Works]. Moscow-Leningrad. Vol. 5.
5. Bryusov V.Ya. (1975) *F.I. Tyutchev. Smysl ego tvorchestva* [F.I. Tyutchev. The meaning of his work]. In: Bryusov V.Ya. *Sobr. soch.* [Collected Works]. Moscow. Vol. 6.
6. Fedoseeva T.V. (ed.) (2012) *Literatura russkogo predromantizma: mirovozzrenie, jestetika, pojetika* [Literature of Russian pre-romanticism: ideology, aesthetics, poetics]. Ryazan.
7. Kantor V. (2004) «V khaose on ponimal bol'she»: Beskonechnaya priroda i konechnyi chelovek v poezii Tyutcheva [«In the Chaos he had more of an understanding»: the Infinite nature and finite human in the poetry of Tyutchev]. *Oktyabr'* [October], 7, pp. 181-187.
8. Petrov A.V. (2011) «Mif tvoreniya» v «metafizicheskikh» i «fiziko-teologicheskikh» stihotvoreniyakh russkikh poetov kontsa XVIII – nachala XIX vv. [«The myth of creation» in the «metaphysical» and «physico-theological» verses of Russian poets of the late XVIII – early XIX centuries]. *Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta im. S.A. Esenina* [Bulletin of Ryazan State University named for S.A. Esenin]. № 3 (32), pp. 108-129.
9. Rudakova S.V. (2014) *Sistemnost' hudozhestvennogo myshleniya E.A. Boratynskogo-lirika. Doct. Dis.* [Systematic artistic thinking of E.A. Boratynsky's lyric. Doct. Dis.]. Ekaterinburg.
10. Rudakova S.V. (2008) Prostranstvenno-vremennaya organizatsiya knigi «Sumerki» E.A. Boratynskogo [Spatial-temporal organization of the book of poems "Twilight" by E. A. Boratynsky]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Problems of History, Philology and Culture, Journal of Historical, Philological and Cultural Studies], 22, pp. 299-310.
11. Semenova S.G. (2004) *Pered litsom prirody i sud'by. Tyutchev v krugu Baratynskogo, Pushkina, Lermontova* [In the face of nature and fate. Tyutchev in the circle of Baratynsky, Pushkin, Lermontov]. In: *Metafizika russkoi literatury* [The metaphysics of Russian literature]. Moscow. Vol. 1.
12. Smirnov A.A. (2004) Metaforika ognja v poezii F.I. Tyutcheva [Metaphors of fire in the poetry of F. I. Tyutchev]. *Vestnik Moskovskogo un-ta.* [Moscow State University Bulletin], 3, pp. 74-79.
13. Tyutchev F.I. (1987) *Poln. sobr. Stihotvoreniya* [Complete works]. Leningrad.
14. Zyryanov O.V. (2002) Lermontovskii mif: nekotorye aspekty problemy [Lermontov myth: some aspects of the prob]. In: *Arhetipicheskie struktury hudozhestvennogo soznaniya* [Archetypal structure of the artistic consciousness: collection of articles.]. Ekaterinburg.